

Линь Цзяньхэ подумал: «Хотя мои сцены уже сняты, время ещё раннее. Может, остаться посмотреть, как играют другие, и поучиться опыту?»

Сейчас снимали сцену первой встречи князя Шу и Сун Вэня, где они зондировали друг друга. Они обменивались ударами, а их острые языки напоминали копья. Никто ни на шаг не уступал, схватка выходила необычайно острой!

Линь Цзяньхэ чувствовал, будто действительно оказался на месте событий: Ду Тан и вправду был князем Шу, а Шэнь Лян — Сун Вэнем. После просмотра сцены возникло ощущение полного удовлетворения.

Линь Цзяньхэ: «Это ли высшая ступень актёрского мастерства? Действительно завораживает!»

Но он не знал, что Шэнь Лян, казавшийся таким воодушевлённым, в душе тоже тихо стонал: «Что не так с Ду Таном? В начале сцены всё было нормально, как вдруг он начал выдавать актёрскую игру так стремительно, что я едва успеваю реагировать! Неужели нынешняя молодёжь такая пугающая?»

Если бы актёры второго плана, ставшие фоном, знали мысли Шэнь Ляна, они бы точно сказали ему: «Нет! Мы другие! Как мы, обычные люди, можем сравниться с уровнем извращённости Ду Тана?»

После большой сцены все были воодушевлены, но также немного устали. Режиссёр Ли предложил всем отдохнуть десять минут перед продолжением съёмок.

Воспользовавшись перерывом, Линь Цзяньхэ подбежал к Шэнь Ляну, о встрече с которым он давно мечтал.

— Учитель Шэнь, я ваш поклонник, можно автограф?

Шэнь Лян, известный много лет, часто сталкивался с такими ситуациями. Он с улыбкой взял блокнот, быстро расписался, а потом обнаружил, что случайно написал не то имя.

Шэнь Лян почувствовал, что его многолетняя репутация рухнула в один миг. Как можно было ошибиться в подписи? Ему ещё вдруг показалось, что вокруг стало прохладно.

Шэнь Лян: «Неужели я действительно уже не молод? Ладно, вернусь и надену тёплые штаны, которые только что купила жена. Людям всё же приходится смириться со старостью».

— Извини, я ошибся, подпишу ещё раз.

— Ничего, ничего. — Линь Цзяньхэ, с только что полученным автографом, радостно удалился.

Шэнь Лян почувствовал, что прежний холодок вокруг бесследно исчез.

Шэнь Лян: «Что происходит? Иллюзия? Так надевать тёплые штаны или нет?»

Ду Тан смотрел, как Линь Цзянхэ сначала подошёл за автографом, а позже вернулся в прежний угол. В его сердце впервые возникла тень обиды.

Ду Тан: «Что, разве я плохо сыграл? Я не заслуживаю твоей симпатии? Почему не попросил мой автограф?»

Чем больше Ду Тан думал, тем больше злился. Широкими шагами он направился к Линь Цзянхэ.

— Брат Ду, что-то нужно?

Линь Цзянхэ сначала заметил тень впереди, а когда поднял голову, увидел Ду Тана, от которого исходило недовольство.

Какой же отважный боец с духом самоуничтожения разозлил брата Ду?

Увидев сияющую улыбку молодого человека и ощутив заботу в его словах, Ду Тан, почувствовал, как его предыдущее недовольство словно развеялось ветром, бесследно исчезнув.

— Ничего. Это тебе. — Передав вещь, Ду Тан развернулся и ушёл.

Глядя на беспечную спину Ду Тана, Линь Цзянхэ был полон вопросов: «Брат Ду специально пришёл показать мне, как за секунду меняется выражение лица? Поистине божественный мужчина».

Не успел он как следует подумать, как режиссёр Ли уже собрался снимать следующую сцену.

Линь Цзянхэ поспешно убрал вещь в рюкзак и весело подбежал. Сотрудники также очень дружелюбно уступили ему удобное для наблюдения место.

Нынешняя сцена происходила примерно после предыдущей. Это была сцена с Ду Таном и Ян Цзин. Если сыграть хорошо, можно было создать ощущение острого противостояния и полного удовлетворения.

К сожалению, Ян Цзин постоянно ошибалась. Её буквально душила аура Ду Тана. Даже её ответные действия были слабыми, без всякой силы.

Режиссёр Ли смотрел и хотел разбить камеру.

Режиссёр Ли: «Что за фигня, а? Разве это не та сцена, которую ты вчера заставила добавить, надавив через инвестора? И ты играешь таким образом? Что, специально пришла опозориться?»

Ян Цзин чувствовала, что вот-вот сломается. Только оказавшись по-настоящему по другую сторону от Ду Тана, можно было полностью ощутить весь ужас. Сейчас её так затравили, что она начала сомневаться, не ошибка ли само её рождение.

Зрители, конечно, не могли ощутить настоящих страданий Ян Цзин. Они лишь думали, что она слишком несостоятельна.

Только что учитель Шэнь и учитель Ду отлично сыграли, а как дошло до неё — всё пошло наперекосяк?

— Ладно, не снимайте. Вырежем эту сцену. — Режиссёр Ли покачал головой, взглянув на сценариста Чжана.

Сценарист Чжан с трудом кивнул, мысленно записав Ян Цзин в чёрный список. Сценарий, который он с трудом написал за ночь, теперь просто был выкинут. Если была такая возможность, почему она раньше не запретила добавлять сцену? Сцену добавили, а теперь она не могла сыграть. Неужели специально над ним издевалась?

У сценаристов что, не было прав?

Ян Цзин была так ошеломлена критикой, что даже не подумала возражать, с трудом выдавив: «Я сначала вернусь», и с ассистентом побежала в отель, даже не подумав о следующих сценах, которые она с трудом выпросила и которые были очень эффектными.

Ей казалось, будто по голове бьют тяжёлым молотом. Вся голова кружилась, где уж тут думать о возможности, которую она с трудом выпросила у господина Чжана?

Глядя на убегающую спину Ян Цзин, даже много повидавший режиссёр Ли не мог не опешить.

Режиссёр Ли: «Что, просто сбежала? А что делать со следующими сценами? Эх, похоже, придётся удалять сцены».

— Эй, лао Чжан, потом перепиши сценарий. Сегодняшнюю сцену снимать не будем, все идите отдыхать. — Режиссёр Ли с досадой махнул рукой.

Режиссёр Ли: «Эта Ян Цзин просто неисправима! Впредь точно не буду с ней сотрудничать!»

Она что, съёмочную площадку за игровой зал принимает? Может прийти и уйти, когда захочет?»

— Так что же, я всю ночь корпел над дополнительной сценой, и теперь её просто выкинуть?

Сценарист Чжан не согласился. Хотя это и был срочно написанный сценарий, но он же его в поте лица создавал, и даже несколько моментов ему самому очень нравились!

— А что ты предлагаешь? Она ведь уже убежала, — сердито ответил режиссёр Ли.

Просто не человек! Просто не человек!

— Я думаю, что эту сцену не обязательно играть ей, — скрестив руки на груди, с негодованием произнёс сценарист Чжан.

Он, впрочем, не говорил ерунды. Режиссёр Ли пролистал сценарий и обнаружил, что эту сцену и вправду не обязательно играть Ян Цзин. Но кому же тогда её отдать?

— Так кому, по-твоему, отдать её?

— Да кому угодно! Любой будет лучше неё! — выпалил сценарист Чжан.

— Режиссёр Ли, может, отдать её сяо Линю? — неожиданно предложил стоявший рядом с Линь Цзянхэ помощник режиссёра.

Взгляды всех присутствующих тоже устремились на Линь Цзянхэ.

Все: «Похоже, и вправду можно».

Линь Цзянхэ повернулся и с недоверием посмотрел на помощника режиссёра рядом с собой: «Брат, мы с тобой что, враги?»

Помощник режиссёра стоял с невозмутимым видом: «Не благодари. Я всего лишь сделал то, что должен был».

Линь Цзянхэ, готовый кашлять кровью в депрессии, подумал: «Я действительно благодарен тебе!»

— Сяо Линь, подойди-ка сюда. — Режиссёр Ли с улыбкой посмотрел на Линь Цзянхэ и поманил его.

Молодой человек медленно поплёлся к нему.

— Режиссёр Ли, это не очень хорошо. Мои актёрские навыки никуда не годятся.

Линь Цзянхэ: «Режиссёр Ли, может, ещё раз подумаешь?»

Он понимал, что провал Ян Цзин только что был не целиком её виной. Аура Ду Тана оказалась слишком сильной, а давление — колоссальным. Не выдержать такой напор было вполне нормально! И не все присутствующие не заметили этого, просто Ян Цзин была отвратительным человеком, и никто не захотел вступить за неё.

— Не бойся. Если Ду Тан посмеет давить на тебя, как он давил на Ян Цзин, я ему этого не прощу! — Режиссёр Ли похлопал его по плечу, бросив косой взгляд на Ду Тана, и успокоил его.

Режиссёр Ли: «Ду Тан слишком суров. Посмотрите, как он напугал ребёнка».

В душе Линь Цзянхэ пребывал в полном недоумении. Он повернулся к сценаристу Чжану, надеясь, что тот проявит смелость, с которой только что противостоял режиссёру Ли, и скажет справедливое слово.

Сценарист Чжан удовлетворённо кивнул и протянул ему сценарий:

— Я тоже считаю, что можно. Сяо Линь, сначала ознакомься со сценарием.

Сценарист Чжан: «Неплохо, неплохо. Если оставить в стороне актёрские навыки, у сяо Линя очень хорошее отношение. И выглядит красиво, и характер неплохой, и готовит вкусно — отличный кандидат в зятя. Жаль, что жена не родила дочку, дома только два сопляка! Эх, жаль, жаль. Если бы я выдал за него дочь, разве я не смог бы есть что захочется?»

Вот это последнее предложение и было самым главным!

Линь Цзянхэ возложил последнюю надежду на Ду Тана и посмотрел на него с горячим ожиданием. В его глазах даже мелькнули слёзы.

Линь Цзянхэ: «Брат! Брат Ду! Отныне ты мой родной брат, скажи справедливое слово!»

— Можно, — внешне бесстрастно произнёс Ду Тан, но втайне сжал кулаки.

Ду Тан: «Не плачь! Я здесь».

Если бы Линь Цзянхэ знал, о чём думал Ду Тан, он бы непременно сказал ему: «Именно потому

что ты здесь, я и плачу!»

— Мм, — под всеобщим пристальным взглядом Линь Цзянхэ кивнул со слезами на глазах.

Линь Цзянхэ: «Почему? Почему? Почему? Я же ещё ребёнок! Я взвалил на себя слишком многое, чего не должен был в моём возрасте».

— Хорошо, тогда на этом и порешим. Сейчас я тебе объясню следующую сцену. В ней у князя Шу появляются некоторые подозрения, а ты с ним вступаешь в конфронтацию. В этой сцене тебе нужно в основном проявить смешанные чувства гнева, недоумения и скорби. Понял?

Режиссёр Ли и Линь Цзянхэ посмотрели друг на друга, и оба неверно истолковали взгляд другого.

Режиссёр Ли: «Неплохо. Судя по виду сяо Линя, он, кажется, всё понял».

Линь Цзянхэ: «Режиссёр Ли, скажи, ты что, хочешь моей смерти?»

— Понял.

Линь Цзянхэ: «Но я не смогу это сыграть!»

— Хорошо, тогда идите сначала попробуйте порепетировать, через десять минут начинаем съёмку.

Линь Цзянхэ со сценарием в руках подошёл к Ду Тану, с тупым выражением лица, словно заблудившийся ягнёнок.

Ду Тан заметил его беспокойство, отвёл в угол и сказал:

— Ты не совсем понял? На самом деле эта сцена совсем несложная, не нужно слишком нервничать.

Линь Цзянхэ безвольно кивнул.

Линь Цзянхэ: «Это для тебя она несложная, ладно?»

— Разве ты был таким? Разве это тот самый Линь Цзянхэ, который никогда не сдаётся? — Вспомнив ситуацию с прямой трансляции кулинарного шоу, Ду Тан подумал, что именно дух и негибамость молодого человека тогда тронули его, заставив принять решение пронести его прямо на руках через этап!

— Я? — Услышав ободрение Ду Тана, Линь Цзянхэ тоже вновь разгорелся боевым духом. — Спасибо, брат Ду! Давай пробовать играть! Я готов!

<http://bllate.org/book/13574/1204635>